

Вас люблю

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Когда актриса театра Ленкома Александра ЗАХАРОВА слышит слова «природа на дачах отдыхает», она вспоминает Андрея Миронова и Константина Райкина. Когда те же слова доносятся до слуха режиссера Ленкома Марка ЗАХАРОВА, ему милее пример Бруно Фрейндлиха: сегодня этот замечательный актер извещен благодаря дочери Алисе. В этом примере нет ни кокетства, ни жеманства. Одно здоровое отцовское чувство.

Режиссер: Прежде всего, я обязан дочери двумя сильнейшими жизненными потрясениями. Одно случилось у родильного дома, когда мне вручили комочек жизни, к которому я имел отношение. Я сразу почувствовал — моя дочь. И еще помню, ей, наверное, было около года, она уже говорила какие-то бессвязные слова, и мать научила ее короткому «па-па». Это удивительно, когда человек, который не то что ничего не понимает, но и говорить не умеет, произносит «па-па».

Актриса: Слова «мама» и «папа» действуют на биологическом, инстинктивном уровне, сразу вызывают спазм в горле. Поступая в «Ленком», я показывала отрывок из «Мамаши Кураж»: немую Катрин, которая говорила одно-единственное слово — «мама». И Вера Марковна Орлова, царство ей небесное, заплакала. Сработал инстинкт материнства: это был удар под дых. А на самом деле «мама» можно научить говорить даже собаку. У Ширвинда была собака, так Наталья Николаевна Ширвиндт спрашивала: «Я тебе кто?» И собака послушно отвечала: «Ма-ма».

Плоды воспитания

Актриса: Никакой особенной системы воспитания я на себе не ощутила.

Режиссер: Наверное, я был легкомысленным отцом. Зато любил ее очень.

Актриса: А я была очень странным ребенком. Например, ничему не удивлялась. Мне говорили: «Сашенька, люди на Луну полетели». — «Ну и что?» Как-то раз родители повели меня в зоопарк: «Сашенька, посмотри, какой большой бегемотик, какой большой слоник». Я была доброй девочкой, и, чтобы они зря не мучились, решила поддержать беседу: «Папа, посмотри, какая большая машина!»

Зато сегодня меня многое удивляет. Особенно добрые поступки и доброе отношение. А если проявляются хамство и злость, меня как-то обижает, не дают или отнимают, как ни странно, срабатывает рефлекс привычки. Хотя я, тьфу-тьфу-тьфу, из благополучной семьи. Ну и, разумеется, никуда не деться от чувства удивления перед прекрасным. Не перестаю удивляться стихам Александра Сергеевича Пушкина («смейся»). И театру Ленком: разве не удивительно, что театру 25 лет и он до сих пор держит аншлаги, и ни один спектакль не похож на другой.

А в детстве все дело было в самой семье и той атмосфере, которая царила дома. Никаких учительских интонаций.

Режиссер: Помню, Саша была классе в пятом, я начал рассказывать что-то очень правильное, довольно скоро сбившись на банальную нотацию о том, как жить. И вдруг заметил, что она качает головой, но глаз у нее веселый, насмешливый и полный иронии. Я сразу заявил и больше в длительные воспитательные акции не пускался.

Актриса: Меня никогда не прогоняли, я сидела за общим столом, как говорила мама, «до посинения». А если выражалась нецензурно, Александр Анатольевич Ширвиндт закрывал мне уши. Он так сдвигал голову, что было больно, но все равно было все слышно. От меня ничего не скрывали. Когда парализовало бабушку, мама сразу объяснила, что произошло.

Режиссер: Однажды я прине домой книгу Бердяева «Самознание». Саша училась в четвертом классе, писала — как всегда, очень вяло — домашнее сочинение. Вдруг смотрю, ребенок притих, чем-то занялся, очевидно, полезным. Подожку: а она раскрыла книжку философа Бердяева и переписывает. Это был бессознательный акт: когда не хватает витаминов, дети едят мед. А Сашин организм потребовал переписать некие мудрости нашего великого философа.

О пользе лени и вере в фатум

Актриса: Я выросла за кулисами и не догадывалась о существовании других профессий. Поэтому и пошла в актрисы.

Режиссер: Мне трудно судить, начала ли Александра театральную династию. Моя мать была, очевидно, способная актриса. Но время помешало ей состояться: мои родители в какой-то степени пострадали в тех актах нашей истории, о которых лучше не вспоминать. Но именно мама передала мне какие-то гены и, кстати, помогла устроиться в театральный институт. Я плохо читал стихи, она научила меня читать. Когда Александра поступала в училище, ее консультировала уже собственная мама.

А я не вмешивался и не принимал никаких особенных шагов в сторону экзаменационной комиссии. Хотя фамилия наверняка сработала. Честно говоря, я всегда выступаю за клановую солидарность. Мне понятно желание помочь коллеге или, если на то пошло, сказать что «не стоит». Когда я впервые увидел Сашу Лазарева, я не знал, чей он сын. А когда узнал — очень обрадовался.

Мы не были против Сашиного поступления. Если повезет, и стечение обстоятельств будет благоприятным, и талант достаточен, то эта профессия может принести много радости. Хотя она очень жесткая и относится к числу рискованных.

Актриса: На самом деле у родителей была вялая попытка ме-

Актриса: Хотя туда меня никто особенно не звал. Просто я всегда была влюблена в этот театр и считала Марка Анатольевича гением, первым режиссером во... Вселенной — почему бы и нет? Я предполагала, конечно, что будет трудно, что придется что-то доказывать. Но еще Маяковский говорил: пять лет работаешь ты на авторитет, десять лет он на тебя.

Я прошла процедуру тайного голосования на утверждение труппой. И... следующие десять лет играла в массовке.

Режиссер: Я всегда считал, что актеров должно быть много и репертуар не должен замыкаться на одной фамилии. Назначить Сашу на центральную роль было для меня проблемой: выбор молодых актрис у нас в театре всегда был богат. Я всегда считал, что актеров должно быть много и репертуар не должен замыкаться на одной фамилии. Назначить Сашу на центральную роль было для меня проблемой: выбор молодых актрис у нас в театре всегда был богат.

Актриса: Я десять лет играла в массовке, но мне и в голову не приходило стучать кулаком по столу: сомнения по поводу собственных способностей перевешивали. А потом в «Тиле» меня ударили скамейкой по голове. Было не столько больно, сколько обидно. Я написала заявление о том, что прошу уволить меня по собственному желанию. С глубочайшим уважением, Александра Захарова. В дирекцию я не пошла, а заявление принесла домой. Марк Анатольевич меня отговорил.

Я фаталист и считаю, что у каждого своя судьба. Выходит, массовка была мне предначертана. Сцену нельзя предавать, сцена за себя мстит. Это мне сказала в свое время Татьяна Ивановна Пельтгер: «Запомни, Саня,

Знаменитые Захаровы из одного театра

В дни своего юбилея главный режиссер Ленкома встретился с дочерью

на отговорить. Без особенной надежды на успех они предлагали нанять педагогов для поступления куда-нибудь в МГУ. Но я тогда заплакала и сказала: «Вы даже не знаете, какая я талантливая!» А откуда им было знать, если я даже в самостоятельности не участвовала?

Режиссер: Короче говоря, ак-

на, говноха молодая, играла на сцене, а у меня должно было быть свидание. И я заменилась». После чего Татьяну Ивановну уволили из театра за профнепригодность, и ей пришлось работать машинисткой. Недавно на спектакле «Юнона и Авось» некому было танцевать в кордебалете — я помогла. Когда

на» и «Формула любви», и тут прислали сценарий «Криминального таланта». Он мне не понравился: в кино никогда нельзя ничего предсказать. Но уже на следующий день после выхода картины я, как говорится, прощусь с знаменитой. По дороге на утренний спектакль меня окликали на улице: «Саша, здравствуй!» (мы с героиней тезки). Тогда с вещами было не очень хорошо, мне предлагали какие-то шмотки из-под полы.

Театр я очень люблю. Но и без кино невозможно — это всегда была атмосфера, иное ощущение, другая температура. Только если одновременно сниматься в кино и играть в театре, тогда получится постоянно находиться в обязательном для профессии состоянии тренинга. Достичь чего-то раз и навсегда невозможно. Ведь птица не может остановиться в воздухе: либо падает вниз, либо вымывает вверх... Сегодня мне очень хочется сниматься.

Режиссер: Я уже давно поймал себя на том, что от меня жутко продолжают «Обыкновенного чуда» и «Формулы любви» со всечасными милодами, королями и монсеньорами. И недавно задумал снять современный фильм. Горю признался, что такую тему не потянет: создать эстетику современной музыкальной комедии довольно сложно. Тогда сценарий написала Алла Крипичкина, и на «Мосфильме» уже появилась табличка съёмочной группы со словами «Режиссер Марк Захаров».

Внутренний голос мне посоветовал отложить начало съёмок, чтобы выпустить сначала спектакль «Брат Чичиков» по пьесе Нины Садури. И мы договорились с руководителем «Мосфильма», что начнем снимать картину после Нового года. А потом случился злополучный кризис — для нас во многом неожиданный.

Никогда не предполагал, что дело может закончиться таким взрывом. И благодарен своей интуиции, что вовремя отложил съемки: иначе сейчас пришлось бы приостанавливаться.

Есть такой анекдот...

Режиссер: Я ощущаю некоторую политическую закомплексованность, которая началась в период перестроечной эйфории.

Поэтому мне интересно как режиссеру посмотреть программу «Новостей» по ОРТ, а потом в этот же день — то, что говорят по НТВ. Тут же Саша начинает смеяться и издеваться над этим. Саша — умная, и политикой не интересуется. Но, может, в таком отношении к политическим новостям скрывается еще одно различие поколений, а может — срабатывают возрастные отличия.

Актриса: Сегодня не интересуются политической невозможностью. Был период, когда действительно политика мне была совершенно безразлична. Казалось, меня это не касается. А недавно выяснилось, что ни отсюда, ни спрятаться от нее нельзя. Только я в политике ничего не понимаю. Все-таки я женщина, к тому же — актриса.

Правда, жизнь у меня такая же, как у всех. Никакого особенного богатства. Так что, когда случился финансовый кризис, что — режиссер по группе крови. Он таким уродился.

Режиссер: Я и сегодня продолжаю смотреть выпуски новостей, правда, с удвоенной долей негатива. Когда новый пресс-секретарь нашего президента сказал, что последствия 17 августа нельзя было просчитать, это вызвало у меня большой приступ сарказма. Тоже — бином Ньютона! Нет в России мозгов, способных просчитать второй ход? Остается надеяться, что — пусть постепенно — во главе государства снова станут профессионалы. Но сейчас я не до конца в этом уверен.

Наш театр всегда считался благополучным. А сейчас мы ощущаем на себе все тяготы повседневности. Скучно перечислять, что не проходят платежи, что закупорились банковские счета, что появились чудовищные финансовые удавки типа налога на театральные билеты. На-

думали собирать налог даже с симфонических оркестров. Я понимаю, что какие-то формы шоу-бизнеса и театральной антрепризы могут облагаться налогом, но когда пытаются что-то выжать из бюджетного театра... Мне это кажется безнравственным.

Но, так или иначе, даже наши недостатки удивительно дороги и близки. Во мне намешано много кролей, и татарская, и еврейская, но по мироощущению я славянин. К тому же профессия напрямую связана с языком, а вне театра я себя не мыслю. Так что никогда никуда не уеду. Хотя понимаю тех родителей, кто отправляет детей за границу, они много выигрывают и в образовании, и в безопасности. Отъезд Саши стал бы для меня трагедией. Но я постараюсь быть най-ти в себе силы ее понять.

Голая правда финансового вопроса

Режиссер: С Сашей легко работать: она соблюдает какой-то такт, очевидно, врожденный. Все разногласия она умело переводит в план творческого поиска. И — надо отдать должное — всегда называет меня Марк Анатольевич. Только однажды сказала мне: «Эй!» — забыла, очевидно, как меня зовут. Но тогда она испытывала очень большое волнение, потому как сидела без денег.

Актриса: Вот вам чистосердечное признание: я живу за счет отца.

Режиссер: Иногда она приходит с наглым видом, и уже по глазам я понимаю, насколько остро стоит финансовый вопрос.

Актриса: Периодически я заявляю: «Надо было рожать мальчишка, а бы обошлось для вас дешевле». Он отеч отвечает: «Ну это как знать, это еще неизвестно». Был период, когда я зарабатывала много денег, но настолько бесхозно все потратила, что больше таких попыток не предпринимало. Тогда я без разбору снималась, даже наснималась голый. Честное слово, больше не буду (а в театре я тогда не могла раздеться, даже теоретически. То ли из-за присутствия зрителя, то ли еще из-за чего. В «Варваре и Еретике» на мне надета рубашка из полосок, через нее просвечивает — совсем не обнаженное — тело, и то некисло),

Возможно, скажу неправильную вещь, но я не считаю, что женщина должна зарабатывать. Женщина должна тратить.

Режиссер: Думаю, это нормально. Мне платят в театре приличные деньги, к тому же — всякие дополнительные вознаграждения и премиальные. А Саша входит в категорию актеров, получающих весьма средние. Наши так называемые народные артисты — Чурикова, Янковский, Караченцов и другие — те получают побольше.

Сегодня, когда для спектакля необходимо два стула, коврик и два артиста, на которых интересно посмотреть, на «наших» большой спрос. Я не прятствую. Хотя, думаю, что огорчился бы, поучастив Саша, например, в рекламе. Все-таки происходит очень сильная амортизация личности.

Актриса: В рекламу меня не звали. Да и в антрепризах — куда зовут постоянно — играть не приходилось. Сейчас у меня, слава богу, просто не хватает времени. Только что снялась в картине режиссера Александра Полынина по сценарию Аркадия Инина «Тонкая штука» в замечательной молодой компании: с Димой Певцовым, Сергеем Серебряковым, Игорем Бочковым и другими — единственная женщина в мужском коллективе.

Режиссер: С отцом, кстати, не советовалась: сниматься — не сниматься. Поставила перед фактом.

Расписание на завтра

Режиссер: Наверное, где-то в подполье, глубоко внутри, может быть, даже помимо моей воли, какой-то участок мозга и сознания думает о том, что скажет дочь, как она будет реагировать на ту или иную акцию, выступление или статью. Но внешне это подспудное не проявляется.

От Саши я получаю только слабые сигналы. Как-то раз отдыхал в Армении, вокруг все ходили с усами, ну и я решил попробовать. А тут на несколько дней приехала дочь. И я подвергся серьезному разному и от дочери, и от женщины.

Актриса: Без усов Марк Анатольевич гораздо лучше. А если всерьез, то что бы и когда бы Марк Анатольевич ни сделал, в

любой ситуации, в любом положении, даже в усах, он все равно мой отец. И я всегда на его стороне. Мне кажется, что отец по отношению к дочери не должен быть объективным, и это нормально. Вокруг и так достаточно людей, которые будут к тебе объективны. Если свои не помогут — то кто? Я за то, чтобы помогать, — близким, своим, друзьям. Как раньше было понятие своего двора. А разбираться будем потом.

Режиссер: Мне близка эта точка зрения Александры Марковны. Тем не менее в семье я подвергся острой критике со стороны жены: мы прожили вместе неприлично долго, вот она со мной и не церемонится. После института я, коренной москвич, уехал работать в Пермь, и она поехала со мной, как жена декабриста. Иногда мы спорим, в каком именно году произошло наше сближение де-юре и де-факто.

Актриса: Сегодня у меня, слава богу, все хорошо. Я вообще человек благополучный. Когда была совсем маленькая, у меня был заяц, и он испугался. Мама решила зайчика выкинуть, а мне сообщила: «Зайчик убежал». Но не докинула его до помойки, так он осень и зиму рядом с помойкой и пролежал. Весной меня выпустили гулять, а когда я вернулась — прижимала к груди этого несчастного зайца и радовалась: «Мама, зайчик-то вернулся!»

Булгаковский Боланд сказал: «Какие странные люди, они планируют свою жизнь, не зная, что произойдет завтра». Сегодня я понимаю, каким счастьем для великой Андреевской было то, что в конце жизни ее вывозили в массовку: она чувствовала, что нужна. А что будет завтра... Я, например, считаю, что должны существовать большие семьи, чтобы обязательно стол круглый и абажур над столом. Если я выйду замуж, если у меня родится ребенок... Я еще посмотрю, как сложатся отношения с театром, ведь важнее человеческой жизни ничего не бывает.

А пока мне хочется играть. Жаль десяти «массовочных» лет: женский век короток, но пока я не вижу себя в амплуа комических старух. Роли, которые я играю, — Нина Заречная в «Чайке», графиня в «Женитьбе Фигаро», Полина в «Варваре и Еретике» — подарок любой актрисе. Не скажу, конечно, что мечтаю о Гамлете, но хотелось бы играть больше.

Режиссер: Сейчас меня гораздо больше беспокоит отнюдь не Саша, а Олег Янковский. Давно не играл новых ролей в моей постановке Николай Караченцов. В моем внутреннем расписании существует очередь. Правда, она не слишком пропущенная. И в этой очереди, безусловно, «томится» артистка А. Захарова. Но наравне со всеми: для меня святы законы русского репертурного театра. Это те принципы, по которым я живу.

Записала
Юнна ЧУПРИНИНА